

АРХЕОЛОГИЯ

М.А. Бакушев

**ОБРЯД ПОРЧИ ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ
ДАГЕСТАНА АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ**

При изучении погребальных памятников албано-сарматского времени Дагестана исследователи неоднократно находили разнообразные изделия, преднамеренно испорченные до их помещения в могилу и составляющие часть погребального инвентаря того или иного захоронения. Специального исследования, посвященного этой детали погребальной обрядности, в дагестанской историографии на сегодняшний день не существует, но на нее обращали свое внимание Е.И. Крупнов (23. С. 219), К.Ф. Смирнов (40. С. 259), М.И. Пикуль (34. С. 145, 147, 156; 35), А.А. Кудрявцев (24. С. 109), М.С. Гаджиев (11. С. 85), Б.М. Салихов (39. С. 169), М.П. Абрамова (1. С. 125).

Прежде всего необходимо отметить, что нахождение данных изделий именно в погребениях среди погребального инвентаря позволяет считать, что они отражают какую-то деталь, сторону погребального обряда и, вероятно, похоронного ритуала, обычно не фиксируемого археологией. Случаи фиксации данной детали обряда довольно редки, хотя он и присутствует во многих могильниках, встречаясь, однако, на них в большинстве случаев спорадически.

Так, на Таркинском могильнике он фиксируется лишь в двух могилах из 29, относящихся к албано-сарматскому времени. В погр. № 13, принадлежащем пожилому мужчине, в ногах скелета вместе с другими девятью сосудами находился небольшой (высота 10 см) ритуальный чернолощенный двуручный сосудик, у которого на тулове было пробито небольшое, округлой формы отверстие (рис. 1, 10) (23. С. 219). В погр. № 27, также принадлежащем мужчине, у правого бедра лежал обломок широкого лезвия меча или кинжала, как отмечал К.Ф. Смирнов, «со старыми сколами» (42. С. 18). Упомянутое погр. № 13 Таркинского могильника датируется исследователем I–II вв. н.э. на основе найденной в нем арбалетной фибулы с пластинчатой дужкой (40. С. 260), а погр. № 27 относится ко II–III вв. н.э. по находке железных, крупных черешковых наконечников стрел, свойственных и сарматским погребениям того же времени (40. С. 271).

Сломанный пополам меч, вложенный в деревянные ножны с полотняной подкладкой был обнаружен в окружении другого инвентаря (поясные пряжки, инкрустированная и халцедоновая бусины, наконечники стрел) рядом с погр. № 7, датируемым I–III вв.н.э. (рис. 1, 8), на Хабединском могильнике (раскоп № 3, 1957 г.). Этот поломанный меч лежал на выкладке из плит, примыкавшей к погребению (34. С. 145). Возле погребений № 2, 5, 6 и 10 того же могильника М.И. Пикуль были отмечены жертвенные места, нередко посыпавшиеся угольками, на которых располагались кувшины, прикрытые сверху плитками или дощечками. Один из кувшинов, лежащий на таком «жертвеннике» на двух плитках около погр. № 2 и накрытый двумя наклонно лежащими плитами, имел на тулове небольшое пробитое отверстие подпрямоугольной формы (рис. 1, 12) (34. С. 141–151). Погребение датируется по находкам двухлопастных втульчатых наконечников стрел II–I вв. до н.э.

Особо четко этот обряд прослеживается в Дербентском могильнике II–IV вв. н.э., где в каждом из шести вскрытых погребений были найдены преднамеренно испорченные вещи. На этом могильнике фиксируется единая схема расположения преднамеренно поломанного инвентаря (в основном керамических изделий). Они располагались в изголовье среди прочего инвентаря обычно на небольшом возвышении. У некоторых кувшинов была отбита в древности часть венчика и (или) ручка (рис. 1, 9, 13, 14, 15); у двух кувшинов (погр. № 1 и 6) на тулове имелось по преднамеренно пробитому маленькому отверстию (рис. 1, 14); у остальных видов керамики (закопченный горшочек, лепная курильница) отбивалась часть венчика. Обращает на себя внимание то, что отверстия на туловах имеют округлую форму; их сколы обращены вовнутрь и, очевидно, удары наносились по сосуду с наружной стороны заостренным предметом, возможно копьем (?). В погр. № 4, принадлежащем взрослому мужчине (в изголовье) был найден фрагмент ножа, при этом оружие (два кинжала и длинный меч), положенное в могилу, оказалось целым. Хотя нужно отметить, что у длинного (всаднического) меча было

отломано дисковидное халцедоновое навершие и положено на перекрестие меча (24. С. 87–113).

Помимо этих случаев в двух детских захоронениях (погр. № 5 и 6) Дербентского могильника среди погребального инвентаря были также обнаружены испорченные предметы, являвшиеся частью костюма, туалетными принадлежностями или украшениями. В погр. № 5 был найден сильно свернутый тонкий витой бронзовый прутик, очевидно, бывший браслет (рис. 1, 4) (в могильнике найдены бронзовые витые браслеты и гривны), а в погр. № 6 – испорченная согнутая фибула (рис. 1, 5), обрывок кольчуги и обломок бронзового зеркала (24. С. 101–107). Кроме того, в погребениях Дербентского могильника были найдены обломанная туалетная ложечка (погр. № 6), пружина от фибулы (погр. № 5), разорванные и отдельные щитки пряжек (погр. № 2, 5, 6), что также может быть связано с совершением указанного обряда (24. С. 109).

Также выразительностью обряда порчи инвентаря отличаются некоторые погребения Сумбатлинского могильника, относящиеся к X–III вв. н.э. (погр. № 7–15), где в основном портилось перед помещением в могилу оружие (мечи, кинжалы). В двух случаях (погр. № 8 и 9) обломки мечей были найдены между камнями кладки стенок погребальных сооружений; при этом в погр. № 9 среди погребального инвентаря были обнаружены и целые кинжал и нож (14. С. 126–127). Помимо этого, в погребениях Сумбатлинского могильника были найдены обломки железных удилов и колец сбруи, обломки перстня (погр. № 8), зеркал из белого сплава (погр. № 8 и 13) и бронзовой шейной гривны (погр. № 12) (14. С. 126–128). Правда, преднамеренность ломки этих предметов установить сейчас сложно, но если железные изделия могли оказаться испорченными в результате коррозии металла, то найденные обломки зеркал и гривны скорее можно воспринимать как преднамеренно поломанные.

Надо отметить, что и в погребениях этого могильника, относящихся к последующему времени – к IV–VI вв. (погр. № 1–6), также встречаются обломки предметов – это фрагмент бронзового зеркала в погр. № 1 и фрагмент железного наконечника копья в погр. № 3.

В погр. № 4 Сиртичского могильника среди разрозненных человеческих костей найден кувшин, на дне которого имелось отверстие (15. С. 26).

В некоторых погребениях Карабудахкентского I могильника были найдены преднамеренно разбитые зеркала (погр. №№ 4, 5, 8, 18, 21, 30, 45, 50, 74, 78) (41. С. 170–193). Причем в основном разбитые зеркала располагались на груди или у черепа погребенного. Довольно много разбитых зеркал встречалось при раскопках Урцекского могильника, относящегося, правда, к более позднему времени.

Преднамеренно поломанный инвентарь присутствует и в некоторых погребениях (в 4-х из 13) Карабудахкентского III могильника I–III вв. н.э. Так, в погр. № 5 рядом с парным захоронением мужчины и женщины обнаружен фрагмент меча или кинжала, в каменных гробницах № 2 и № 4 – обломки ножей, а в погр. № 9 – сероглиняный кувшин с отломанным носиком (41. С. 221–216). В то же время материалы Карабудахкентского I могильника I–III вв. н.э. не позволяют с уверенностью говорить о наличии здесь подобного обряда.

В погребениях Цыйшинского могильника (I–V вв. н.э.) поломанный инвентарь был найден в четырех из 14 вскрытых могил. Все они представляют предметы вооружения – кинжалы, мечи, кольчуги. В индивидуальных погр. № 6 и № 7 фрагменты кольчуг были найдены у ног погребенных; кроме того, в погр. № 6 было обнаружено 3 фрагмента железных мечей (22. С. 30). Обломки мечей и кинжалов (?) были найдены также и в погр. № 10. Наиболее показательным является погр. № 9, где железный меч, обнаруженный рядом со скелетом, лежащим на левом боку, был согнут почти надвое (рис. 1, 7) (22. С. 33). Надо также отметить, что фрагменты защитного вооружения присутствуют и в погребениях, оставленных пришлыми, кочевыми племенами. Так, в ограбленном подкурганном захоронении, относящемся к первым векам нашей эры, близ Андрейаульского городища из оставшегося инвентаря, кроме всего прочего, имелись обрывки кольчуги (3. С. 132), а в погребении кургана 19 могильника Львовский первый – 4, относящегося к сарматской культуре, был найден согнутый пополам меч, лежащий вдоль правой руки погребенного (2. С. 12), и отдельные железные пластины панцирного доспеха (2. С. 6–7).

Серолощенный кувшин с отбитой в древности горловиной и ручкой был найден и в разрушенном погребении Хучнинского могильника, также относящегося к албаносарматскому времени (11. С. 79).

К III–V вв. н.э. относятся погребения Калкнинского могильника и Большого Буйнакского кургана. В некоторых гробницах, являющихся основным типом погребальных сооружений этих могильников, была обнаружена керамическая посуда с пробитым туловом: в гробнице 1 с коллективным захоронением (3 чел.) Калкнинского могильника были найдены семь кувшинов, один из которых имеет отверстие в придонной части и отломанный венчик. В гробнице 2 с парным захоронением среди различного инвентаря находился также пробитый розоволощенный горшок (39. С. 167–168). В погр. № 13 Большого Буйнакского кургана также был найден красноглиняный кувшин с пробитым отверстием в основании ручки (1. С. 125). Кроме этого, Б.М. Салихов, «осматривая в ГИМ (Москва) коллекцию керамики Буйнакского кургана, видел преднамеренно испорченный кувшин из могилы 19 или 25, горшок из могилы 2 или 6» (39. С. 177, прим. 4).

На Шаракунском могильнике в погребениях интересующего нас времени преднамеренно испорченные предметы встречались в трех погребениях: кувшины с отбитой в древности горловиной найдены в погр. № 28 и № 29 и сосуд-поильник с пробитым в тулове отверстием – в погр. № 72 (рис. 1, 11) (32. С. 68; 33. С. 30). Кроме того, в двух погребениях раннего этапа функционирования могильника обнаружены три преднамеренно испорченных наконечника копья (рис. 1, 3) (о них речь пойдет ниже).

Приведенный перечень находок преднамеренно поломанного инвентаря, происходящего из погребений албано-сарматского времени, вероятно, является неполным, т.к., судя по отчетным данным, исследователи не всегда специально уточняли этот момент, и в этой связи ныне трудно судить о том, был ли тот или иной предмет, обнаруженный фрагментарно, поломан в древности, или же нахождение предмета во фрагментах объясняется иными причинами. Несмотря на это, мы имеем относительно достаточное количество погребений, где присутствует эта деталь погребального обряда, чтобы попытаться дать ее характеристику, выявить особенности, причины и время ее возникновения.

Как видно из приведенных примеров, при помещении в могилу порче подвергались в основном керамическая посуда (в первую очередь кувшины) и вооружение (как наступательное, так и защитное). У керамических сосудов, как правило, пробивалось отверстие на тулове (чаще всего в нижней половине тулова) и отбивалась горловина или ее часть (устье, часть венчика), иногда отламывалась и ручка. Предметы вооружения встречались либо согнутыми, либо поломанными. Более редки находки преднамеренно поломанных зеркал. Остальные категории инвентаря либо вообще не применялись для совершения этого обряда, либо были найдены испорченными (согнутыми или поломанными) лишь единожды (браслет, фибула, шейная гривна, возможно перстень).

При повсеместном распространении обряда порчи инвентаря на территории Дагестана в албано-сарматское время имеются некоторые различия в его деталях между горными и предгорными районами. Так, если в погребениях могильников предгорных районов (Таркинский, Дербентский, Буйнакский и др.) в основном помещали испорченные керамические сосуды и лишь в единичных случаях предметы вооружения и иной инвентарь (фибулы, браслеты, пряжки), то в погребениях могильников горной зоны (Цыйшинский, Сумбатлинский, Хабадинский) испорченные изделия в преобладающем количестве представлены предметами вооружения при незначительных по количеству находках преднамеренно испорченных керамических сосудов.

Обряд порчи сосудов в ритуальных целях за пределами Дагестана и, по всей видимости, Кавказа является одним из древнейших обрядов: вероятно, он стал впервые использоваться населением, оставившим раннеземледельческую халафскую культуру (30. С. 192, 201, 209). Относительно времени появления обряда порчи инвентаря на территории Дагестана нет точных сведений, поэтому судить об этом можно лишь приблизительно. В эпоху бронзы и раннего железа он не встречается вообще и, если судить по отчетным данным, начинает эпизодически появляться в скифское время. Так, в двух погребениях Шаракунского могильника (погр. № 62 и 75), отнесенных М.И. Пикуль к V–IV и VI–V вв. до н.э. соответственно, были найдены 3 наконечника копий с преднамеренно загнутыми концами (рис. 1, 5) (32. С. 34). Однако, по всей видимости, эти два погребения Шаракунского могильника относятся к более позднему времени. На это указывают находки чернолощенных кувшинов в погр. 62 с ойнохоевидным и четырехлепестковым устьем и биконическим туловом, относящихся к последним векам до н.э. – рубежу эр. Находки из погр. № 75 не столь выразительны, однако, судя по труположению (погребенный лежал вытянуто на спине, левая рука чуть согнута, кисть ее находилась на костях таза, а правая рука покоилась поперек груди), это погребение можно отнести ко времени не раньше III–II вв. до н.э., так как данные особенности

труположения появляются на территории Дагестана в албано-сарматское время и, очевидно, под влиянием погребальной обрядности сарматских племен. Обряд порчи наконечника копья находит аналогии в одном из разрушенных погребений кургана, находящегося близ пос. Шолоховский Ростовской области и относящегося ко времени не позднее нач. IV в. до н.э. Здесь также был найден наконечник копья с преднамеренно загнутым в древности пером (27. С. 137). В последующем эта деталь погребальной обрядности в Дагестане сохраняется: в погребальном комплексе II–III вв. н.э., открытом на поселении Ганзир в горном Табасаране, из двух найденных среди богатого погребального инвентаря железных наконечников копий одно было изогнуто (рис. 1, б), а второе положено поперек узкой могилы (т.е. с переломленным древком) под голову умершего (12. С. 123).

На Хабардинском могильнике традиция поломки мечей является лишь в промежуточной группе погребений, относящейся к IV–I вв. до н.э. (34. С. 154). И, как отмечает М.И. Пикуль, «если в IV–I вв. до н.э. обычай преднамеренной поломки меча только начинает появляться, ...то в первых веках он наблюдается чаще» (35. С. 127). По ее наблюдениям обряд порчи инвентаря становится характерным для культуры Дагестана албано-сарматского времени (35. С. 156). Надо отметить, что на Чегемском кургане-кладбище (II в. до н.э. – II в. н.э.) в Кабардино-Балкарии преднамеренно испорченные вещи в основном встречаются в катакомбных захоронениях и пик этого обряда приходится на II–I вв. до н.э. (обряд зафиксирован в 21,8% погребений II–I вв. до н.э. и в 3,1% погребений I–II вв. н.э.) (18. С. 176). Исчезновение данной детали погребальной обрядности на территории Дагестана, судя по имеющимся материалам, по всей видимости, приходится на конец албано-сарматского времени – начало раннего средневековья, и, возможно, связано это с изменением идеологических представлений дагестанских (как и кавказских вообще) племен в эпоху Великого переселения народов. В раннем средневековье данная деталь обряда в погребальных памятниках уже не фиксируется (исключение составляют погребения раннесредневекового Ирганайского III могильника, относящегося к VIII–XII вв., где был зафиксирован этот обряд, выразившийся в преднамеренной порче керамических сосудов) (28. С. 55).

Обряд порчи инвентаря был весьма распространен и за пределами Дагестана: в Азербайджане в античную эпоху в кувшинах, помещаемых в могилу в момент захоронения, пробивали небольшие отверстия (4. С. 342). При этом нельзя считать как проявление этого обряда отверстия, пробиваемые чуть выше дна в погребальных кувшинах, в которых содержалось по одному и как редкое исключение по два костяка. По утверждению Д.А. Халилова, одни исследователи считали его отверстием для стока жидкости, другие отверстием для духа. Исходя из того, что отверстие располагалось в основном в верхней части кувшина и нередко прикрывалось керамическими плитками, Д.А. Халилов считает, что эти отверстия имеют культовое предназначение (45. С. 79). Такого же мнения придерживается и К. Алиев: «Согласно древним представлениям после смерти дух покидал тело, но выйти ему из плотно закрытого кувшина было невозможно. И поэтому на верхней стороне кувшина пробивалось небольшое отверстие...» (4. С. 344). Сквозные прорезы в виде треугольников или кружков зафиксированы и в погребальных ваннах на территории Азербайджана (45. С. 86). (По всей видимости, в прямой связи с этими представлениями находится и абхазская традиция, описанная В.Ф. Миллером со ссылкой на Эвлия Челеби, по которой тело бека помещали в ящик, прикрепленный к ветвям дерева, и сверху ящика продельвали отверстие, «чтобы бек мог видеть небо») (29. С. 128).

На территории Чечни в районе Урус-Мартана также встречались погребения, относящиеся к рубежу эр, в которых, кроме прочего инвентаря, было найдено преднамеренно поломанное оружие (31. С. 54–56).

На Чегемском кургане-кладбище, как было сказано выше, примерно в пятой части всех исследованных погребений был зафиксирован обряд порчи инвентаря. Портили зеркала, бусы из халцедона. Ножи и наконечники стрел сгибали, предварительно накалив их (18. С. 176). В погребении II–I вв. до н.э. был найден преднамеренно сплюснутый шлем (18. С. 142). Однако, как отмечал исследователь, «обычай преднамеренной порчи вещей более характерен для чегемских катакомб, нежели для нижнеджуглатских, где только в катакомбе 46 было обнаружено разбитое на куски бронзовое зеркало» (17. С. 81). Этот факт в очередной раз показывает, что данный обряд не был повсеместным и практиковался лишь частью тогдашнего населения, отдельными племенами, а возможно, только внутри конкретных поселений, население которых и оставило те или иные могильники.

Рассматриваемый обряд был зафиксирован также на территориях, расположенных далеко за пределами Кавказа. Так, в некоторых погребениях с трупосожжением липецкой культуры, относящейся к началу нашей эры, урны с пеплом стояли на согнутых мечах,

причем в одном из них рядом находился сосуд с отбитыми ручками (6. С. 99). Обряд преднамеренной порчи всех острых предметов перед помещением их в погребение был также характерен для населения, оставившего пшеворскую культуру, относящуюся к II–V вв. н.э.; он рассматривается исследователями как «типично пшеворский обычай» (19. С. 59). Тем не менее этот обычай был довольно широко распространен и у кельтов. Аналогичный описанному обряду пшеворской культуры обряд был отмечен на могильнике Черноклан (XI–XIII вв. н.э.) близ г. Абинска Краснодарского края в погребениях с трупосожжением: здесь преднамеренно поломанные сабли клались прямо в урну или рядом с ней (36. С. 63–64).

К.Ф. Смирнов считал найденный на Гаркинском могильнике сломанный меч символом реального оружия и отмечал, что «случаи замены реального оружия его символом – одна из черт погребального обряда, присущая сарматским погребениям Нижнего Поволжья» (40. С. 259). М.И. Пикуль также связывала обряды преднамеренной поломки оружия или ритуальных предметов с сарматской культурой (35. С. 164). Вслед за ними «разбитые сарматские зеркала» в погребениях албано-сарматского времени в Дагестане рассматривались большинством дагестанских авторов, затрагивавших в своих работах рассматриваемый период (10. С. 127), как признак влияния кочевых ираноязычных племен. Этого же мнения придерживается Б.М. Керев, рассматривая преднамеренную порчу зеркал наряду с некоторыми другими обрядами как сарматский элемент в погребальном обряде Чегемского кургана-кладбища (18. С. 20), и Э.А. Рикман, который отмечал, что специально разбитые зеркала в позднесарматских погребениях «можно считать типично сарматской чертой погребального ритуала» (38. С. 2). В то же время А.М. Хазанов высказал мнение, что сарматы «могли перенять обычай класть копь в погребения, вероятно, в сломанном виде у местного меотского населения» (44. С. 45) (здесь автор имеет в виду обычай переламывания древка копья перед положением оружия в могилу. – М.Б.).

Из вышеизложенного видно, что обряд порчи инвентаря в сарматское время был распространен на обширной территории Евразии, а на территории СНГ – от лесной полосы на севере до Закавказья на юге, и Дагестан, несомненно, входил в зону распространения этого обряда. На Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, как уже было отмечено многими авторами, портились перед помещением в могилу предметы вооружения и зеркала, в то время как в Закавказье этому подвергались в первую очередь керамические сосуды. В Дагестане наблюдается смешение двух традиций, причем, если влияние сарматов шло по убывающей с севера на юг и с востока на запад в горы, то преобладание в погребениях преднамеренно испорченного оружия отмечено именно в горных районах, там, где признаки сарматской культуры, по мнению ряда авторов, прослеживаются слабее (10. С. 127). М.И. Пикуль тем не менее отмечала, что «начиная с III в. до н.э. и по III в. н.э. включительно они (племена центральной части горного Дагестана. – М.Б.) подвергались довольно сильному влиянию сарматов, подчинивших себе преимущественно плоскостную часть Дагестана» (34. С. 162).

К. Алиев, касаясь в своей книге обряда порчи инвентаря в грунтовых погребениях Азербайджана античного времени, высказал предположение, что «пробиваемые небольшие отверстия в кувшинах в момент захоронения были результатом представлений о беспрепятственном выходе духа умершего из погребения» (4. С. 342). Сходное объяснение автор дал и причине пробивания отверстий в туловах погребальных кувшинов. Несомненно, однако, что два этих обряда при всей своей схожести базируются на различных религиозных представлениях.

Наиболее убедительным кажется объяснение данного обряда, данное М.С. Гаджиевым. Отверстия в туловах сосудов, находимых в погребениях, он связывал с представлениями древних о том, что через них осуществляется выход «души вещи» (11. С. 85). Его мнение разделила В.М. Косяненко, которая писала о том, что «разбитые зеркала, как и другие специально уничтоженные предметы, свидетельствуют о веровании народов позднеантичного периода в то, что душа (тьма) вещи должна следовать за своим хозяином» (21. С. 80). Эти мнения вполне правдоподобны, ведь по этнографическим материалам известно, что в Сибири, например, ломка вещей была одним из четырех (наряду с втыканием вещи в землю, приданием вещи неестественного положения, сжиганием вещи) способов «отправления предметов в место загробного обиталища умершего» (20. С. 74).

Находки в погребениях испорченных вещей связывались А.А. Кудрявцевым и М.С. Гаджиевым с правилом «pars pro toto» – «часть вместо целого» (24. С. 109). Такого же мнения придерживался и К.Ф. Смирнов, о чем было сказано выше.

Это положение вполне могло бы объяснить находки фрагментов оружия, особенно предназначенного для защиты (кольчуга), которое имело огромную материальную ценность, но в некоторых случаях оружие именно преднамеренно портилось, как это видно на примере меча из погр. № 9 Цыйшинского могильника. Также не все предметы туалета и украшения клались в погребения во фрагментарном виде. Керамические сосуды зачастую имеют лишь отбитый венчик и (или) ручку, что также достаточно сложно связать с правилом «pars pro toto». Тем не менее нельзя отрицать того, что, возможно, часть находок преднамеренно поломанных вещей действительно связана с этим правилом, которое могло применяться и в практических целях (например, для предотвращения разграбления погребения, ведь, как было уже отмечено, оружие в те времена имело большую ценность).

Находки преднамеренно поломанного оружия у кельтов связываются исследователями с кельтскими представлениями, что необходимо со смертью воина умертвить и его оружие, для того чтобы оно служило ему и в потустороннем мире; польский исследователь А.Кемписты объясняет порчу оружия страхом перед мертвым, что подразумевает разоружение покойного (19. С. 59).

В целом М.С. Гаджиев вполне убедительно аргументировал причину пробивания отверстий в туловах сосудов, и все же остается ряд нерешенных вопросов, прежде всего связанных с тем, что даже в пределах одного погребения зачастую пробитое отверстие в тулове имеет лишь один сосуд (в качестве примера можно привести рассмотренную выше гробницу 1 Калкнинского могильника), и, несмотря на распространенность этого обряда на протяжении нескольких столетий на достаточно широкой территории, сосуды с пробитыми туловами встречаются в погребениях (за исключением погребений Дербентского могильника) в достаточно редких случаях.

Некоторые рудименты обряда порчи инвентаря, по всей видимости, сохранились у народов Дагестана до сегодняшнего дня. Табасаранцы во время похорон несли на кладбище и свадебное деревце с навешанными на него сладостями, фруктами, яйцами, платками, отрезами. На кладбище часть подарков раздавалась присутствующим, часть приводили в негодность (разрывали на куски) и разбрасывали на могиле. В сел. Дюбек, если умирал юноша, на кладбище разрезали и раздавали присутствующим его одежду. По мнению информаторов, эти обряды проводились для освобождения души (5. С. 175–177). Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов (37. С. 151), а вслед за ними и Б.М. Алимова полагают, что «в основе обычной портить вещи находится концепция: «вид или качество предметов должны соответствовать качеству человека, которому они принадлежат. Человек умер-он стал «другим», соответственно и принадлежащие ему предметы должны быть другими» (5. С. 175).

Также и у кумыков женщины в причитаниях по усопшему проклинают все и вся и желают, чтобы все разрушилось и погибло: дом, скот и даже мечети. Причитающая женщина говорит, что ее ножницы брошены об пол, зеркало разбилось о камни, белила высыпались в постель (13. С. 64). По мнению авторов, в этом причитании отражается желание снабдить покойного вещами, которые ему могли бы пригодиться на том свете. Здесь же мы видим желание смерти вещи с последующим ее переходом в мир иной.

У даргинцев сел. Киша сохранился обычай бросать вслед умершему очень старому человеку в момент его выноса из дома старые глиняные кувшины. Кувшины разбивались, и считалось, что вслед за этим человеком никто уже не умрет (7. С. 59). В данной детали похоронного ритуала сосуд, видимо, выступает своеобразной ипостасью, символом-образом человека и приносится в жертву в момент похорон вместо человека. Символическое «убийство сосуда» путем пробивания отверстий в тулове или же обламывания какой-либо его части, наблюдаемое в погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени, по всей вероятности, также преследовало подобные цели. Примечательно, что это действие в древности проводилось не вблизи погребения и, видимо, не в момент погребения. Об этом говорит тот факт, что ни в одном случае ни в погребениях, ни вблизи них не были обнаружены отломанные (недостающие) части сосудов. В то же время отметим, что, по дагестанским поверьям, разбитый кувшин на пути свадебной процессии означал неудачную семейную жизнь (9. С. 55). В качестве параллели укажем, что в Египте в начале XIX в. кувшин разбивался около человека, служившего источником несчастий для других (25. С. 125), а на Украине бросали горшок, разбивая его, на место, где лежал покойный. Цель этого обряда заключалась в «обновлении жизни» (16. С. 349).

Зеркало, кроме своих утилитарных функций, в представлениях дагестанцев служило защитой против злых духов. Так, оно входило в состав приданого для невесты, выполняя функцию оберега (9. С. 55). Вместе с тем, по бытовавшим религиозным представлениям, в зеркало в момент смерти человека может воплотиться его дух. Поэтому у некоторых

дагестанских народов зеркало, находящееся в одном помещении с покойным, закрывалось красной материей (8. С. 42). Обращает внимание использование именно красной материи, цвет которой символизировал огонь с его очистительной, предохраняющей функцией. Подобный обряд существует, в частности, и у славянских народов и находит религиозное толкование, заключающееся в том, что возможное отражение в зеркале покойника, его удвоение грозит удвоением смерти (43. С. 112). Зеркало воспринималось как окно в «тот свет» (43. С. 114). Находки половинок зеркал в некрополе Кобякова городища В.М. Косяненко связывает с поверьем в то, что «такие половинки осуществляют связь между родственниками при жизни и после смерти», а «треугольные обломки зеркал могли служить амулетами» (21. С. 79). Возможно, что с подобными религиозными представлениями и связаны преднамеренно испорченные зеркала, представленные в некоторых исследованных погребениях албано-сарматского времени.

В этнографических материалах мы находим и еще один возможный вариант объяснения обычая порчи погребального инвентаря. У аварцев при рытье могилы палкой измерялся рост покойного, и затем при совершении погребения эта палка ломалась и бросалась в могилу (46. С. 65). У лезгин существует представление о том, что «нужно изолировать все предметы, которыми умерший пользовался при жизни» (8. С. 42). Здесь совершенно очевидно проявляется поверье, что все, с чем соприкасался умерший, тело покойного, является оскверненным и подлежит уничтожению. Ю. Липе отмечал, что «стремление избавиться от трупа, поскольку он представлял реальную опасность для живых, распространялось и на все предметы, находившиеся в обиходе покойника» (26. С. 352).

Из трех основных категорий инвентаря, которые применялись при совершении рассматриваемого обряда (сосуды, оружие, зеркала), две (железное оружие и зеркала) выступали, по представлениям древних, очевидно, своеобразными оберегами против злых сил. В момент погребения родственники покойного старались как можно надежней защитить его от негативного влияния со стороны враждебных человеку сил при переходе умершего в потусторонний мир, обеспечивая его всем необходимым и в том числе средствами защиты. При этом преднамеренная порча этих категорий инвентаря, особенно оружия, могла отражать существовавшие представления о возможности покойного причинить с помощью этих предметов вред живым (на это указывал в свое время А. Камписты). Однако в этом случае вызывает удивление сам факт наличия в погребениях «магических» предметов и оружия. Ведь гораздо целесообразнее просто исключить из погребения эти категории инвентаря.

В целом обряд порчи инвентаря, существовавший в албано-сарматский период, в Дагестане в частности и на Кавказе вообще, изучен на сегодняшний день недостаточно, и, как это видно из вышеизложенного, не существует четкого объяснения этого обряда, что связано, очевидно, с его относительно кратким временным бытованием (на протяжении нескольких сот лет) и исчезновением еще в эпоху раннего средневековья. Спорадически встречающиеся погребения, в которых фиксируется данная деталь погребального обряда, свидетельствуют о том, что он не получил широкого распространения, не стал общеупотребительной нормой похоронно-погребального ритуала. Тем не менее его отголоски и черты, как представляется, закрепились в народной памяти, в этнографической действительности народов Дагестана, что может быть показателем определенной трансформации данной обрядности в связи с распространением ислама с его безынвентарными погребениями. Несомненно, что по мере дальнейшего накопления и изучения погребальных памятников албано-сарматского и раннесредневекового времени Дагестана и этнографического изучения рудиментов похоронных обрядов у дагестанских (и кавказских) народов появится новый материал, который, возможно, позволит более ясно и четко интерпретировать эту неординарную деталь погребальной обрядности древнего населения Дагестана, выявив ее связь с религиозно-идеологическими представлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Буйиакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
2. *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский первый – 4 (Труды Дагестанской экспедиции. Т. II) // МИАР. Вып. II. М., 2001.

3. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
4. *Алиев К.* Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.). Баку, 1974.
5. *Алимова Б.М.* Табасаранцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1992.
6. *Бидзиля В.И., Русанова И.П.* Липецкая культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – I пол. I тыс. н.э. М., 1993.
7. *Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990.
8. *Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980.
9. *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов нагорного Дагестана. М., 1991.
10. *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до XV в. Махачкала, 1996.
11. *Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
12. *Гаджиев М.С.* Погребальный комплекс II–III вв. на поселении Ганзир (Табасаран) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
13. *Гаджиева С.Ш., Аджиев А.М.* Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980.
14. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
15. *Давудов О.М.* Раскопки в Табасаране // РФ ИИАЭ. Ф. 3 Оп. 3. Д. 543.
16. *Зеленин Д.К.* Восточно-славянская этнография. М., 1991.
17. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
18. *Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. II. Нальчик, 1985.
19. *Козак Д.Н.* Пшеворская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. М., 1993.
20. *Косарев М.Ф.* К семантике огневого культа в древних западносибирских захоронениях // Тез. докл. конференции «Идеологические представления древнейших обществ». М., 1980.
21. *Косьяненко В.М.* К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13. Азов, 1994.
22. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Отчет о работе Горной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1968 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 27 Оп. 1 Д. 30.
23. *Крупнов Е.И.* Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. № 23. М., 1951.
24. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
25. *Лейн Э.У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982.
26. *Липе Ю.* Происхождение вещей. М., 1954.
27. *Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И.* Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
28. *Магомедов Р.Г.* Отчет о работе Ирганайской новостроечной экспедиции в 1994 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
29. *Миллер В.Ф.* О некоторых древних погребальных обычаях на Кавказе // ЭО. 1911. № 1–2.
30. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
31. ОАК за 1900 г. СПб, 1902.
32. *Пикуль М.И.* Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 23.
33. *Пикуль М.И.* Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 24.
34. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.
35. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
36. *Пьянков А.В.* Средневековый могильник Черноклен из Краснодарского края // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.
37. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1969.
38. *Рикман Э.А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. М., 1964.
39. *Салихов Б.М.* Калкнинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

40. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования в районе селения Тарки // МИА. №23. М., 1951.
41. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.
42. *Смирнов К.Ф.* Отчет о результатах Дагестано-Кубанской экспедиции ИИМК и ГИМ 1948 года // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 255.
43. *Толстая С.М.* Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994.
44. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
45. *Халилов Д. А.* Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985.
46. *Чурсин Г.Ф.* Авары // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Он. 1. Д. 65.

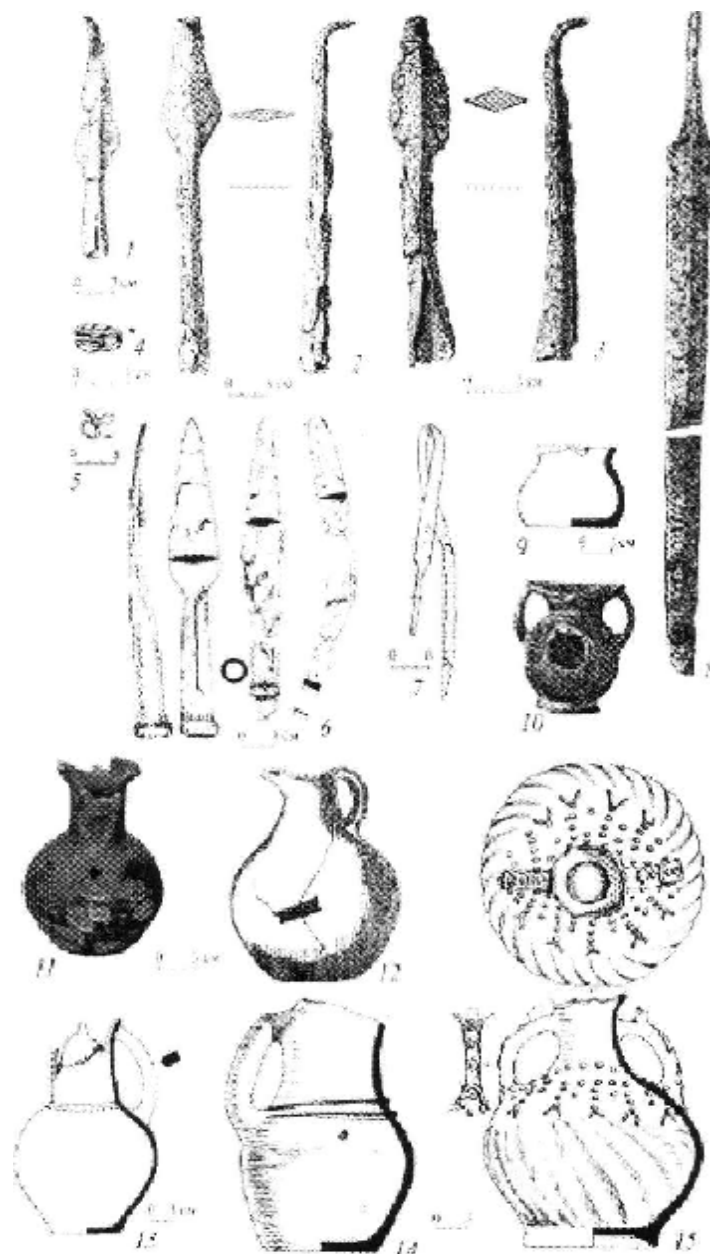

Рис. 1. Преднамеренно испорченный инвентарь из могильников Дагестана албано-сарматского времени.

1–3, 11 – Шаракунский могильник (по М.И. Пикуль); 4, 5, 9, 13–15 – Дербентский могильник (по А.А. Кудрявцеву и М.С. Гаджиеву); 6 – Ганзирский склеп (по М.С. Гаджиеву); 7 – Цыйшинский могильник (по О.М. Давудову); 8, 12 – Хабединский могильник (по М.И. Пикуль); 10 – Таркинский могильник (по К.Ф. Смирнову).